

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Денис Бурмистров

**ПРИНУЖДЕНИЕ
К КОНТАКТУ**

Денис Евгеньевич Бурмистров
Принуждение к контакту
Серия «Пикник на обочине»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6690421

Денис Бурмистров. Принуждение к контакту: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083657-4

Аннотация

Вертолет спасательной службы Института внеземных культур терпит крушение над Новосибирской Зоной Посещения. Нет связи, нет провизии, нет медикаментов.

Вокруг – Зона. Смерть, поджидающая на каждом шагу.

«Порченная» земля, смертельно опасные аномалии, «черные» сталкеры и загадочные люди в форме, готовые убить первого встречного.

Теперь пилоту Руслану Громову придется доказать, что из любого правила есть исключения.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	12
3	16
4	24
5	26
6	31
7	34
8	44
9	48
10	56
11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Денис Бурмистров

Принуждение к контакту

Пролог

– Спасибо Анастасии за интересный рассказ о встрече с неведомым. Давайте проводим ее аплодисментами. А я напоминаю, тема нашей передачи: «Это место меня убивает». И следующий гость в студии – руководитель отдела исследований физико-химических процессов Новосибирского филиала Международного института внеземных культур профессор Андрей Владимирович Сидоренко.

– Добрый вечер.

– Здравствуйте, Андрей Владимирович. Как давно вы занимаетесь исследованиями Новосибирской Зоны Посещения?

– Больше двадцати лет.

– Мы сегодня слышали много историй о всевозможных гиблых местах. Чем Зоны Посещений отличаются от них, на ваш взгляд?

– Тем, что они реально существуют.

– За почти пятидесятилетний период с момента «инцидента Пильмана», со дня образования аномальных территорий, наука мало продвинулась в объяснении их природы. Есть новые версии?

– Нам хватает рабочей теории о внеземном происхождении. Иных разумных объяснений нам, увы, найти пока не удалось.

– Чем отличается Новосибирская Зона от, скажем, африканской или канадской?

– Каждая Зона по-своему уникальна. В большой степени благодаря климатическим и геологическим условиям. Однако найденные внеземные материалы, в просторечии артефакты, в большинстве своем аналогичны, что позволяет нашему институту проводить комплексные эксперименты сразу в нескольких лабораториях в разных странах мира.

– Про Зоны снято много фильмов, написано множество книг и статей. Насколько они соответствуют действительности? Насколько Зоны опасны?

– Чрезвычайно опасны даже для подготовленного человека. Мы, живущие с Зоной бок о бок, и то вынуждены проводить большинство изыскания за пределами охраняемого периметра. Длительное пребывание в Зоне может привести к крайне плачевному результату. Что же до фантастических книг и фильмов – простите, не интересуюсь.

– Часто люди погибают в Новосибирской Зоне?

– Извините, я не хочу отвечать на этот вопрос.

– Правда, что в рабочем ареале Зоны, в Искитиме, да и в самом Новосибирске, нередки случаи мутации? У нас есть материал журналиста Ольги Соловьевой, рассказывающий о детях-дифферентах, которые насильно помещаются в закрытые интернаты. Что вам об этом известно?

– Проблемы мутации имеют место быть, с ними разбираются в медицинских центрах. Насколько я знаю, все дети с признаками болезни Руффа проходят курс лечения добровольно.

– Наши специалисты подсчитали, что за последние годы площадь Зон Посещения значительно увеличилась. Какую угрозу несет такой неконтролируемый рост?

– Зоны действительно склонны к увеличению, но не настолько пугающими темпами, как принято считать. Нам пока не о чем беспокоиться.

– Профессор, что на самом деле происходит в Зоне?

– Что происходит? На данной стадии – ровным счетом ничего интересного для простого обывателя. Это как с химическими процессами на Солнце – они чрезвычайно любопытны для науки, но малопонятны и малозначимы для большинства людей. Так и у нас – ежедневные будни. Увы, иногда они сопряжены с необходимыми трудовыми подвигами, но без них пока никуда. Как и без людей, готовых пожертвовать всем ради разгадки величайшей тайны, коей являются Зоны Посещения.

Отрывок из ток-шоу

«Принесенное ветром», октябрь, 2009 год

1

Руслан Громов, пилот спасательного вертолета

**Вертолетная площадка испытательного полигона
Международного института внеземных культур,
г. Искитим Новосибирской области**

10 июля 2016 года

Вертолет легко набирал высоту, еле ощутимо вибрируя под встречным потоком воздуха. Морозящий дождь разбивался о прозрачную плексигласовую полусферу, широкие дворники сметали жидкие кляксы под ножи холодного ветра.

– Спасатель-два, спасатель-два! Ответьте диспетчеру! – запоздало ожил голос в наушниках.

Олег Рязанцев с укором посмотрел на своего командира, мол, я же предупреждал. Руслан Громов лишь хмуро покачал головой, жестом указал продолжать движение. Сам повернулся к боковому окну, где за зыбкой рябью дождя виднелись бетонные корпуса института с пульсирующей алой лампой радиовышки.

– Спасатель-два на связи! – отозвался он.

– Кто давал разрешение на взлет, спасатель-два? Немедленно меняйте курс и возвращайтесь на площадку.

– Я же говорил, что ничего не получится, – прикрыв ладонью микрофон, прокомментировал Рязанцев.

– У нас чрезвычайная ситуация, – спокойным голосом сказал Руслан диспетчеру. – Требуется срочная эвакуация из Зоны.

– Вы нарушаете инструкции, спасатель-два, – повысил голос собеседник. – До особого указания все вылеты в Зону запрещены. Немедленно возвращайтесь, или я буду вынужден доложить рапортом. Вас отстранят от должности.

Руслан поймал на себе испуганный взгляд второго пилота. Вполголоса чертыхнулся – сегодня в диспетчерской смена Шнайдера. А этого не уговорить, не пронять. Он, с присутствием немцам формализмом, будет держаться правил и инструкций, в случае необходимости доведет угрозы до логического конца.

Но, когда Рязанцев, посчитавший краткое молчание командира сигналом к возвращению, попытался изменить курс, Громов взял управление на себя и твердой рукой повел машину на северо-запад.

– Спасатель-два, спасатель-два!

Маневр не остался незамеченным.

– Может, выключим рацию? – предложил Олег, кисло ухмыляясь. – Скажем, что сломалась, что не расслышали...

Из салона, отодвинув брезентовую шторку, появился всклокоченный мужчина в наспех надетом защитном костюме без шлема. Короткая борода по институтской моде, острый нос, высокий лоб. Серое лицо с напряженной гримасой душевной боли.

– Дай мне! – Не церемонясь, он схватил висящую на пустующем кресле гарнитуру третьего пилота, нахлобучив объемные наушники на голову. И сразу же заговорил, яростно и жарко:

– Михаэль! Это Илья! Илья Ткачев! У меня жена на объекте! Слышишь? Полина в беду попала!

В ответ Шнайдер выругался по-немецки.

Ученый нервно дернул длинный шнур за собой, скрылся в салоне, доказывая и умоляя. Руслан ткнул набычившегося Олега в бок, указал отключить наушники. Первым сдвинул тугой переключатель на шлеме. Наклонился к товарищу.

– Если уж у него не выйдет уломать Шнайдера, то у нас точно не получится.

Рязанцев лишь качнул головой, уставившись вперед.

Вертолет уверенно отдалялся прочь от похожего на вытянутый крест здания испытательного полигона Международного института внеземных культур, прочь от готовящегося к пятничному вечеру Искитима.

– Будем заходить со стороны Черной, – дал команду Руслан. – Над железкой не пойдем, там статика на рельсах наблюдается.

– Логично, – буркнул Рязанцев. – Куда хоть примерно летим-то?

– В район Маяка, – отозвался Громов, отвернувшись к приборам.

– Это под самым Бердском? Хреново, – протянул второй пилот. – Блин, еще и Зона сегодня как назло «дышит».

Руслан промолчал. Он и сам знал, что «хреново». Когда Зону лихорадит, за периметр не то что по воздуху, по земле соваться нельзя. Но разве мог он поступить по-иному? Разве мог отказать другу в такой просьбе?

Под ногами, за толстым смотровым стеклом, пронеслись крыши приземистых домиков «карантинного» района. Последних жителей выселили отсюда в начале девяностых, аккуратно после Расширения 1991 года – тогда административных ресурсов еще хватало. С тех пор типовые блочные пятиэтажки неумолимо зарастали густой зеленью, с которой лениво пытались бороться городские службы. Их сил хватало на то, чтобы раз в год спиливать верхушки особенно наглых деревьев да вывозить скопившийся на улицах мусор. Редкие полицейские патрули гоняли из пустых домов алкашей и молодежь. Совсем редко заезжали сюда представители администрации, так сказать, «с инспекцией».

Ходили слухи, что ночами из «карантинного» можно было услышать страшные крики и стоны тех, кто сгинул во время Посещения. Гулять по этим улочкам после наступления темноты считалось верхом безрассудства.

Впрочем, по мнению Руслана, обычные городские байки. Ночами в квартале дежурили наряды полиции, многие срезали через темные дворы дорогу к месту работы – и ничего, никакой чертовщины. На самом деле пустующие кварталы больше раздражали местных жителей, чем пугали. Для них сама Зона стала обыденностью и уж точно менее значимым фактором, чем отсутствие горячей воды или света.

Громов взял левее, направляя вертолет в сторону цементного завода, от которого на север убегала железнодорожная ветка. С высоты было видно, как дорогу и территорию завода пересекает высокая бетонная стена с блестящей бахромой колючей проволоки.

Периметр. Впопыхах возведенный, не везде настолько монолитный. Строительство начали два года назад, после того как Зона «скакнула» и отхарчила старые границы да еще и пару километров в придачу.

В принципе, от института можно было сразу махнуть «на ту сторону», но Громов лишней раз старался не рисковать. Если часть пути можно преодолеть безопасно, то лучше так и поступить.

– Как пить дать к Разуваеву потащит, – сокрушенно сказал Олег.

– Ты о ком?

– О Шнайдере, о ком же еще!

– Вали все на меня, – успокоил его Руслан. – Скажи, что я тебе приказал. К тому же это почти правда.

– Да не в этом дело, – отмахнулся пилот. – Отбрехаться найду чем. Просто не люблю без особой нужды к безопасникам наведываться. Каждый раз так смотрят, будто я из рейсов килограммами неучтенку вожу и налево толкаю.

– А ты возишь? – насмешливо покосился на него Громов.

– Боже упаси! Я этой заразы больше смерти боюсь!

– Вот и не нервничай... Внимание, подходим к периметру. Давай связь.

Рязанцев щелкнул тумблером, и в эфир ворвался автоматический сигнал предупреждения, транслируемый круглые сутки. Бесполой механический голос монотонно вещал:

– «Внимание! Вы приближаетесь к закрытой территории! Несанкционированный допуск запрещен. Немедленно идентифицируйте себя по закрытому каналу либо поворачивайте назад. В противном случае по вам может быть открыт огонь на поражение. Повторяю...»

– Мирный! Мирный! Я спасатель-два! – вызвал военных Громов, немного сбросив обороты и замедляя движение вертолета.

– Интересно, им уже позвонили? – под руку бросил Рязанцев, и Руслан недовольно зыркнул на него.

– Мирный на связи, спасатель-два! – раздался хриплый мужской голос. – Какова цель вылета?

– Поисково-спасательная, – ответил Руслан. И добавил: – Дневной пароль – три-три-пять-два.

– Принято, спасатель-два. Открываю коридор. Удачи.

– Спасибо.

Громов кивнул Рязанцеву, чтобы тот принял координаты воздушного коридора, который ооновцы предоставили для пролета над периметром.

Иные многое бы отдали, чтобы так легко проникать в Зону. В давние времена, когда местный филиал института курировался военными, сформировалась целая бюрократическая система получения допусков и справок. Отчасти она была оправданна, но в определенные моменты откровенно мешала. Например, когда появлялась срочная необходимость попасть «на ту сторону» гражданским.

Примерно с середины девяностых охраной Новосибирской Зоны, сменив внутренние войска, занялись силы Объединенных Наций. «Синие каски» почти не поменяли правила допуска, однако ученым с ними было договориться проще – официально институт действовал в рамках международного соглашения, то есть, формально, теперь военные подчинялись требованиям ученых, а не наоборот.

Впрочем, на деле все было несколько сложнее.

– Допуск дали? – В кабине, откинув полог, появился Ткачев.

– Дали, – ответил Рязанцев. – Заходим на коридор.

– Давайте, родные, быстрее! – Ученый нервно забарабанил пальцами по стенке. – Каждая секунда дорога!

– Мы стараемся, Илья, – успокоил друга Руслан. – Ты лучше пока иди в салон, сядь и пристегнись.

– Да не могу я... – Ученый не договорил, махнул рукой. Подался вперед, пролезая в кабину, плюхнулся в кресло третьего пилота. Звонко щелкнул карабинами ремней.

– Внимание, – объявил Громов. – Мы над периметром. Пять секунд до рубежа.

Желто-красный вертолет КА-32 тяжелым шмелем пролетел над широкой дорогой, упирающейся в глухой забор с предупреждающими знаками. За забором – узкая бетонированная полоска земли с торчащими усиками датчиков и сигнальными лампами.

– Боже, спаси и сохрани, – дотронулся до невидимого под комбинезоном крестика Рязанцев.

Внизу проплыл высокий, в несколько метров шириной, с буграми охранных вышек и спиралями колючей проволоки забор внешнего периметра.

Все. Граница пройдена.

– Всем – предельное внимание, – дежурно напомнил Громов. – О подозрительном докладывать сразу. Олег, сверяй маршрут с картой ловушек. Сделаем все правильно – вернемся живыми.

А сам ощутил в груди неприятную, предательскую дрожь. Как перед первым своим полетом, в учебке. Только здесь такое чувство возникало каждый раз.

Перед ними простиралась многокилометровая Зона. Внешне ничем не отличающаяся от местности по ту сторону забора – такая же густая щетина лесов, рубленые квадраты полей, сельские домики и коровники. Вон карьер, коих в окрестности Искитима несколько штук. Над ним застыл, опустив громадный ковш, экскаватор на широких гусеницах. Рядом – пара строительных «кунгов» с беседкой, несколько самосвалов и разобранный грузовик без колес. А вот и речка Черная, бегущая вдоль забора.

Обычный пейзаж, обычные предметы. Но, как говорится, все дело в начинке.

– Они точно у Маяка? – Рязанцев повернулся к ученому, который нетерпеливо теребил кончик ремня безопасности.

– Точно, – кивнул тот. – Они с Сидоренко там эксперимент готовили. Вчера на «калоше» группа ушла.

– А с чего ты взял, что что-то произошло?

Ткачев дернул щекой, резко ответил:

– Да потому что на связь не выходят! И сигнал «калоши» не отслеживается!

– Ну связь тут вечно барахлит, – не сдавался Олег. Видимо, он все еще не терял надежды прервать полет. – Особенно возле Маяка. Вон на прошлой неделе...

– С ними что-то произошло! – отрезал Илья, стукнув кулаком по подлокотнику. – Перед тем как пропасть, «калоша» передала информацию о резком сходе с маршрута!

Рязанцев тут же заткнулся, хлопая глазами.

– Олег, смотри вперед, – скомандовал Руслан, бросая на товарищей быстрый взгляд. – Следи за приборами.

Если «калоша» сходит с маршрута – это значит, что произошло какое-то ЧП. А любое ЧП в Зоне – это очень плохо.

«Калошами» назывались институтские гравиплатформы, служащие для передвижений по аномальной территории. Эти летающие машины, в технологии которых использовались найденные в Зоне артефакты, некогда представляли собой куцый корпус, похожий на увеличенную детскую машину. Или на калошу, в честь чего и получили свое второе имя. Нынешние «калоши» выглядели более обтекаемо, походили на пластиковые капсулы и могли тащить до двух прицепов-вагончиков, в которые умещались целые лаборатории. При необходимости головной вагон мог отцепить «балласт» и двигаться дальше самостоятельно. В целях безопасности «калоши» двигались вдоль заранее проложенных маршрутов, обозначенных высокими столбами-«вешками». Эти маршруты искали специально создаваемые команды из числа сотрудников института, они же выставляли «вешки». Работа была тяжелой и кропотливой, но иного способа быстро и относительно безопасно передвигаться по Зоне не существовало. Впрочем, аварии случались и на этих тропах. На памяти Громова подобное происходило дважды, и в обоих случаях были жертвы. Потому Руслан вполне понимал и разделял беспокойство Ильи за Полину.

– Ветер усиливается, – сообщил Рязанцев. – Через пятьсот метров будет «воронка», смотри, чтобы не снесло.

Громов кивнул. Он и сам почувствовал, как упруго задергался рычаг управления, как изменили «голоса» турбины. Из низких серых туч над головой, напоминающих каменистый

скандинавский пейзаж, хлестал уже не дождь – ливень. Стремительно темнело. Если так пойдет, то скоро придется лететь по приборам. А по приборам в Зоне никто не летает, приборы в Зоне безбожно врут.

Руслан сдержанно ругнулся, замечая, как неестественно начал закручиваться авиагоризонт.

– Вон там! – вскрикнул Илья, перегибаясь через ремни безопасности и тыкая пальцем вниз. – Пятая тропа!

Действительно, недалеко от кромки леса, по пологой насыпи, тянулся пунктир из вешек.

Громов направил вертолет к вешкам, включил прожектор. Луч света еле пробивался сквозь падающую с неба воду, бледное пятно металось по мокрым кустам и кронам деревьев.

– Правее «воронка», двести, – предупредил Рязанцев.

Руслан не мог не кинуть взгляд на явление, погубившее когда-то несколько летных экипажей.

Дождевые капли, падающие над неприметным оврагом, подхватывались незримой силой и со страшной скоростью раскручивались, образуя почти слитные кольца. Кольца медленно сжимались и в самом центре ловушки обрушивались вниз, врезаясь в фонтанирующую грязью землю.

Зрелище было пугающим и одновременно завораживающим.

Вертолет заметно качнуло, словно кто-то мягко боднул в левый борт, подталкивая к «воронке». Илья охнул, Рязанцев выматерился. Громов с усилием вернул машину на прежний курс.

Зона «дышала». Руслан не знал, как это называлось «по науке», но слышал, что это как-то связано с недавним ростом территории Посещения. «Дыхание» началось за несколько месяцев до «скачка», учащалось и учащалось, пока в один день Зона не «скакнула» сразу во все стороны, подминая новые земли. А теперь все медленно успокаивалось, эти пространственные судороги появлялись все реже и реже. Так совпало, что как раз сегодня Зона решила «всхлипнуть». А это значит, что в любой момент может поменяться направление ветра, плотность воздуха, погода, магнитные меридианы и еще черт знает что.

Словно подтверждая опасения Руслана, где-то в глубине туч пророкотал гром.

Некоторое время кружили над лесом, медленно сдвигаясь вдоль тропы. Нельзя было исключать, что «калоша» застряла на обратном пути.

Ничего не нашли.

Пару раз пролетели над придорожной деревенькой с развалившимися бревенчатыми домиками.

Тоже безрезультатно.

Громов начал забирать севернее, ближе к поселку Маяк. В хорошую погоду отсюда уже можно было разглядеть заброшенный Бердск, а то и таящий в дымке над Обским морем Новосибирск.

– Опустись пониже, Рус! – крикнул напряженно всматривающийся в дождливую серость Ткачев. – Ничего не видно.

– Ниже нельзя, – возразил Рязанцев. – Нас с земли чем-нибудь достать может.

– Но ведь ничего не видно! Руслан! – взмолился ученый.

Надвигающаяся ночь черным рукавом накрывала все, что не попадало в луч прожектора. Пролетающий сквозь свет дождь создавал обманчивые тени, от них рябило в глазах и терялось ощущение высоты. Еще немного – и они могут попросту пролететь мимо «калоши», банально не заметив ее.

Если бы рядом сидел не Илья, а искали бы не Полину, Руслан повернул бы назад. Нельзя, категорически нельзя настолько пренебрегать мерами безопасности. Если они рух-

нут и разобьются, то уже никому не помогут. Только вот не мог он так поступить с лучшим другом. Не мог наплевать и развернуть машину. Страшнее Зоны сейчас была мысль о том, что потом придется смотреть Илье в глаза.

И Громов пошел вниз, чувствуя, как по лбу скатывается холодный пот.

В свете прожектора замелькала земля, мокрые горбы примятой травы, темные фигуры деревьев. Яркая вспышка осветила местность. Ветвистая молния расчертила небо, вспарывая тучи.

– Надо улетать, Руслан! – не выдержал Олег. – Это же самоубийство!

– Еще чуть-чуть, почти долетели до Маяка! – Ученый с отчаянием в голосе схватился за рукав Громова. – Осталась пара километров!

– Руслан, поиск в таких условиях не имеет смысла!

– Высадите меня, я один пойду!

Свет прожектора на краткий миг уперся в выпуклый бок вагона с эмблемой института, подмявший под себя поваленное с корнем дерево. Мазнул и ушел дальше.

Громов рванул рычаг, закладывая вираж.

Порывы ветра яростно подхватили машину, потащили прочь. Жалобно захрустела хвостовая балка, истерично взвизгнули турбины.

– Давай вместе! – заревел Громов, двумя руками ухватившись за бьющийся, как пойманная рыба, рычаг управления. Его движения повторял Рязанцев, помогая дублирующими устройствами.

– Ты что-то видел? – Илья почти вскочил с места, но Громов лишь огрызнулся.

Исходя потом, учащенно дыша, пилоты повернули вертолет, пошли на второй круг. В свете очередной молнии они увидели поваленные вешки, торчащие в разные стороны. В нескольких метрах от них, в глубокой канаве, лежали разорванные неизвестной силой вагоны. Один из них валялся в стороне – именно его и заметил Руслан.

Головного вагона видно не было. Как и ученых, живых или мертвых.

– Пролети еще раз, – Илья буквально прилип к окну. – Я, кажется, заметил...

Что-то рванулось от земли к вертолету, стремительно, прицельно. Страшный удар подкинул машину вверх, развернул. Отчаянно завывала аварийная сигнализация.

Дальше Руслан действовал по наитию, полностью отдавшись инстинктам. Он потащил на себя рычаг, вытаскивая вертолет из заваливания на винты. Почти выровнял горизонт, холодея, слушал, как стучит хвостовой винт. Прожектор перестал работать, в кабину ворвалась чернота, разбавленная мерцанием бесполезных приборов.

– Где земля, Олег? – заорал Руслан. – Я не вижу землю!

– Твою мать! – скрежетал зубами Рязанцев. – Твою мать!

Вертолет тащило куда-то в сторону, все силы уходили на то, чтобы удержать его в воздухе. В кабине едко запахло проводкой, вспышки алых огней на панели сводили с ума.

– Вытянем, – повторял вслух Громов. – Вытянем и сядем.

Молния, похожая на хищный трезубец Нептуна, прошла небо и вонзилась прямо в винтокрылую машину, покрывая корпус сетью танцующих искр. Двигатель охнул и заглох, разом погасли все приборы.

Вертолет по дуге врезался в деревья. Разбрасывая поломанные лопасти, перевернулся. Ударился о вершину небольшого холма, срезал верхушку. Оставляя глубокую канаву, покатился вниз, подпрыгивая на кочках. Наконец мятая и дымящаяся кабина влетела в болото, подняв фонтан брызг.

2

Василий Гуреев, боец отряда особого назначения

Территория отчуждения, полоса вдоль внутреннего периметра Новосибирской аномальной Зоны

14 июля 2016 года

Вторая группа продвигалась гуськом вдоль осыпающегося бетонного забора, чуть слышно бряцая амуницией и броней. По левую руку от бойцов, между забором и корпусом заброшенного пионерского лагеря, тянулось небольшое маковое поле. Необычно крупные алые листья обрамляли тугие маковки, волнами вальсировали под дуновением ветра. Зрелище было красивым и завораживающим, особенно под яркими лучами полуденного солнца.

Жаль, что скоро все здесь предстоит сжечь.

Группа шла вдоль плантации оперативно, стараясь по полной реализовать эффект внезапности. Они удачно ликвидировали двух «крикунов», прежде чем те успели запустить предупредительные о приходе силовиков сигнальные ракеты, и потому пока что не встретили вооруженного сопротивления. Впрочем, не стоило расслабляться – наркоторговцы цепко держались за свои участки и не желали сдаваться без боя.

Двигаясь в тени забора, бойцы отряда особого назначения ограниченного контингента ООН приближались к серому кирпичному зданию с покатою шиферной крышей, где когда-то располагалась администрация пионерского лагеря «Метеор».

– Первая группа на месте, – сообщил голос в наушнике.

– Ждем общего сигнала, – откликнулся «Бункер». – Вторая, живее!

– Принято, – отозвался Василий Гуреев, командир второй группы. Он хлопнул затянутой в перчатку ладонью по плечу идущего впереди Мамай, прошептал:

– Костя, шире шаг.

Внушительных размеров Мамай удобнее перехватил тяжелый штурмовой щит, кивнул кажущейся огромной из-за шлема головой и ускорился. За ним двинулись Гуреев и замыкающий Попов.

Забор закончился поваленными в высокую траву секциями. Дальше размещалась небрежно сколоченная хибара, выстроенная, судя по всему, совсем недавно. Перед ней, возле большого грязного чана для варки раствора, сидел на корточках тощий мужик в одних спортивных штанах и шлепках. Руки, от плеча и до пальцев, покрывали выгоревшие наколки, в пальцах он крутил дешевые пластиковые четки.

Группа остановилась, попятилась за забор. Мамай глухо спросил сквозь забрало:

– Раб?

– Не похоже, уж больно расслабленный, – прокомментировал Василий, выглядывая из-за угла. – Нам его не обойти, надо по-тихому снять.

– Понял. Давай.

Гуреев закинул автомат за спину, выудил из кармана разгрузочного жилета небольшую рогатку и стальной шарик от крупного подшипника. Прикинул расстояние, вложил шарик в кожаную петлю и, вытянув тугую резину, послал снаряд в полет.

Щелчок резинки, стремительный полет и глухой звук удара. Мужик безвольной тушей повалился вперед, нелепо выпятив задницу.

– Чисто. Быстро вяжем этого и идем дальше, – скомандовал Василий.

Наконец группа оказалась в нужной точке, за высоким бортом поваленного на бок прицепа. Гуреев положил автомат на сгиб локтя, тронул танкету рации.

– Вторая группа на позиции.

– Принято, – тут же отозвался «Бункер». – Первая готова?

– Готова, – откликнулся сидящий по ту сторону здания Марат.

– Тогда напоминаю, – раздался в наушнике будничным голос координатора операции, находящегося в стоявшей за периметром штабной машине. – Бастрюкова берем по возможности живым, остальных – по ситуации. В остальном все как всегда, действуем по алгоритму. Сигнал к атаке – взрыв «зари» Алтынова. С Богом.

Гуреев перехватил оружие удобнее, дал команду своей группе занять исходные позиции. Впрочем, это было излишне – ребята и без того знали что делать.

Светошумовая граната, заброшенная в окно первого этажа, гроыхнула так, что по пустынному лесу прокатилось звонкое эхо. Еще не успел звук затеряться среди деревьев, как бойцы уже рванулись со своих мест и понеслись на штурм. Их многоголосый ор, призванный деморализовать бандитов, сам собой перерастал в рев. Гулко хлопали помповые ружья, вышибая замки.

Группа Гуреева живым тараном шла по первому этажу, снося все на своем пути. Несколько встреченных бандитов, ошалело носящихся по комнатам, успокоили прикладами, по ходу дела связывая руки пластиковыми петлями. Один сгоряча попытался вскинуть слишком тяжелый для его руки пистолет западного образца, но Мамай не мудрствуя лукаво прострелил ему колено, а пробегающий мимо Попов от души припечатал ботинком в челюсть.

На втором этаже истерично зашелся длинной очередью автомат. Что-то грохнуло и пронзительно завизжало, тонко и надрывно.

Бойцы второй группы, топоча ботинками, взлетели по ступеням лестницы наверх, чуть не наткнулись на спины своих же товарищей.

У дальней стенки, за массивным деревянным столом, аккуратно под картиной «Бурлаки на Волге», кого-то лежащего на полу методично охаживал кулаками Марат. Дымящийся автомат бандита – вычурный АКС-74у с цевьем и магазином, раскрашенными «под тигра», валялся у окна, в стене и на потолке зияли черные отметины от пуль. Рядом второй боец, придавив коленом голову затихшего бандита, накидывал ему на руки наручники. Третий ооновец стоял в дверях и держал на мушке лежащего полуголового мужика с огнестрельным ранением в плече, который забился под перевернутые стулья и сучил ногами от боли. В зале стоял пронзительный вой, от которого сводило скулы и слезились глаза.

Гуреев, морщась, прошагал в комнату и с чувством опустил каблук на прыгающую по полу вещицу, похожую на небольшого морского ежа. Вещица хрустнула и развалилась на мелкие осколки. Визг и вой прекратились.

– Спасибо, – поблагодарил Мамай.

Из-за стола показалось лицо Марата, потное и разгоряченное. Он вытер окровавленной перчаткой лоб, поправил шлем и тяжело поднялся, напоследок наподдав лежащему. Оттуда только чавкнуло.

– Бастрюков? – попробовал угадать Василий.

– Он, паршивец, – кивнул командир первой группы. – Обдолбался и решил поиграть в Тони Монтану. Вы всех положили?

– Все в люлях, – откликнулся от лестницы Попов.

– Отлично, – Алтынов улыбнулся и прижал палец к рации. – «Бункер», «Бункер», это первый. Бабушка в гнезде.

– Бастрюков жив? – прошипел наушник.

– Местами. С ним два... – Марат поднял брови, глядя на Гуреева, тот показал четыре пальца. – Плюс четыре. Потерь нет.

– Отличная работа. Возвращайтесь.

– Принято, – кивнул Алтынов. – Сматываем удочки, мужики. И червей не забываем.

* * *

Василий сидел на низкой скамье раздевалки в одних плавках и задумчиво крутил в руках тактический нож с серрейторным лезвием в виде клюва. Прорезиненная рукоять удобно ложилось в ладонь, кольцо на обушке позволяло крутить нож на пальцах, меня хват. На дверце металлического шкафчика висела испачканная «горка», но Гуреев не хотел брать костюм домой – опять отключили горячую воду, а стирать грубую ткань в холодной не хотелось.

Распахнулась дверь душевой, и в раздевалку вошел могучий Мамай с полотенцем вокруг бедер. Задержавшись перед зеркалом, поиграл мускулами, любуясь своей накачанной фигурой.

Идущий следом Марат беззлобно рассмеялся, обозвал товарища «качком дутым» и подошел к своему шкафчику. Бросил взгляд на Гуреева.

– Чего хандришь, Васян?

– Да так, устал, наверное.

– Это как – «наверное»? – Алтынов вытащил гражданскую одежду и принялся переодеваться, наблюдая за Гуреевым. – Устал или нет?

– Да не физически, Марат. Морально задолбался.

– Сходи к психологу, – посоветовал от зеркала Мамай. – Она баба что надо, любо-дорого посмотреть.

– Мамай, психолог – не стриптизерша, к ней за другим ходят, – отмахнулся Алтынов, вновь повернулся к Василию. – Кстати, действительно сходи, она тебе башку вправит.

– Не в этом дело! – Нож в руках Гуреева прокрутился вокруг своей оси и с хрустом вошел в доску скамьи. Василий вздохнул, повел плечами, повернулся к Марату. – Я морально устал работать впустую, – сказал он, глядя в глаза Алтынову. – Сколько у нас выходов на плантации в этом месяце? Три? Четыре?

– Три.

– Хорошо, – согласился Василий. – А сколько пушеров повязали? Сколько караванов остановили? Сколько мелюзги помельче повязали? Господи, да мы уже полгорода, поди, переловили. Многих даже не сажают уже, выпускают под подписку.

– О, опять завел свою шарманку, – протянул Мамай. – Васян, завязывай уже.

– Эй, мускулистый, иди, намажься маслом или еще займись чем полезным, – ответил за Гуреева Марат. – Не видишь – мужчине плохо, ему выговориться надо.

– Да ладно, проехали, – отмахнулся Василий и встал, начал одеваться.

– Да не, все верно говоришь, – кивнул Алтынов. – Как воду горстями черпаем. Только надо ее черпать, братуха, без нас вообще все утонут.

– Да и это я понимаю, – сокрушенно ответил Гуреев. – Только и ты пойми – мне хочется видеть результаты своих трудов. Вот чтобы домой приходиться и знать, что сегодня я что-то изменил. А так я знаю, что мы сегодня одну плантацию накрыли, а завтра их уже три будет плюс одна – на том же самом месте. Потому что Зона эта, она как лучший магнит, всю эту гниль к себе притягивает.

– Ну ты так-то уж не утрируй, – нахмурился Марат. – Сегодня вон Бастрюкова взяли, известного отморозка. Плохо, что ли? За ним рабов пять душ было. Опять же, плантацию уничтожили, теперь этим уродам опять надо думать как туда пробираться да работу восстанавливать. А ты как хотел, Васян? Чтобы разом все это прекратить? Тут работать надо, долго и упорно, методично обрубать все возможные хвосты и головы.

Гуреев согласно кивнул, но вяло, без энтузиазма.

– Все я понимаю, Марат, не первый год работаю. Только вот как-то перегорел я. На место того же Бастрюкова двое таких же придут, их Хазар исправно где-то находит. Рабы? Так то наркоманы, которые один хрен никуда из Искитима не уедут. Скольких мы уже не по первому разу освобождаем? Эти упыри прямо профессию новую себе выдумали, лишь бы к дозе халявной поближе быть. Хочется чем-то серьезным заняться, по-крупному. Вон чтобы команду дали того же Хазара повязать.

– С такими мыслями лучше переводиться куда-нибудь, – пожал плечами Алтынов. – Наше дело маленькое: услышал «фас!» – грызи. А кого и когда – пусть в Управлении думают... Я уж не знаю, что тебе и посоветовать. Нажрись, что ли. В слюни.

– Я пьяный дурной. А переводиться пробовал, ты знаешь. И к комитетчикам, и в особый отдел. Пока всюду молчок.

– Ну, удача она такая, не знаешь, когда подхватит, – глубокомысленно изрек Марат.

Хлопнула входная дверь, и по ногам обдало сквозняком. В нагретом воздухе появился дежурный боец в форме и с повязкой на руке. Нашел глазами Гуреева.

– Вась, на выход, с вещами.

– Чего еще? – нахмурился Василий.

– Батя зовет. Срочно.

– Прямо срочно? – Гуреев хмыкнул. – А чего, не знаешь?

– Неа, – просто пожал плечами дежурный. – Давай, не тяни кота.

– Вспоминай, где накосячил, – посоветовал Мамай.

– А может, того, – Алтынов подмигнул Василию, криво улыбаясь. – Судьба за тобой явилась, а?